

ИЛЛЮЗИЯ ГРЕХА:

Публичный дом
тётушки Марджери

Разбитые грёзы

Инкуб. Последняя иллюзия

Диана Соул

**ИНКУБ.
ПОСЛЕДНЯЯ
ИЛЛЮЗИЯ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
С67

Соул, Д.

С67 Инкуб. Последняя иллюзия / Д. Соул. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 394 с. — (Иллюзия греха).

ISBN 978-5-521-92334-2

«Никогда не связывайся с инкубом!» — эту непреложную истину повторяют матери дочерям уже ни одно поколение. Инкуб может дать девушке все: исполнить любую мечту, достать с неба звёзды и подарить на блюде из лунного камня... Показать истинное счастье, а потом разбить сердце... Но эти мужчины не умеют любить, ведь так заложено их природой.

Для них любовь — дефект, исчезнувший в процессе эволюции, но даже у этих нелюдей вполне человеческие цели. Мне не повезло особенно: ко мне проявил интерес Герберт Сакс — мультимиллионер, владелец аэрокосмической корпорации, изобретатель и самый опасный из инкубов, отказать которому, просто невозможно...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92334-2

© Диана Соул, текст, 2020
© Елена Сова, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ПРОЛОГ

Сумерки медленно опускались на город, но темнее не становилось. Скорее наоборот. Солнечный свет неохотно сдавал права неоновому освещению рекламных вывесок, экранов билбордов, огромным проекциям на стеклах небоскребов.

Город пылал яркими огнями, оживал все больше с каждой минутой, напоминал огромный, вечно гудящий и никогда не засыпающий улей. Но здесь, на двухсотом этаже Saks-Technologies, благодаря полной звукоизоляции не было слышно шума. Все ради того, чтобы даже случайный шорох не мешал хозяину кабинета наслаждаться мелодией, размеренно льющейся из сотен динамиков вокруг.

Их продуманная система создавала удивительное стереофоническое звучание, как если бы здесь, в кабинете, находился оркестр и живой хор.

Впрочем, Герберт Сакс не любил живых людей. Слово “любовь” было к нему вообще неприменимо. Верхом его эмоциональной симпатии являлось уважение.

Он уважал мертвых гениев прошлого, их идеальные музыкальные творения, где каждый звук, будь то симфония,

соната или сюита, нес идеальную, выверенную до математической точности гармонию.

Сейчас в кабинете играл последний “Реквием” Моцарта. Лакримоза — заупокойная траурная месса, гимн всему уходящему на покой и возрождающемуся вновь.

— Думаю, вас это заинтересует, — прозвучал механический голос посетителя, нарушив хрупкое ощущение уединения хозяина кабинета. Иллюзию его одиночества.

Герберт Сакс отвернулся от окна, за которым разглядывал бесконечный город, прошел к глубокому креслу и сел за абсолютно пустой стол из красного дерева, чей возраст был едва ли не втрое больше, чем у самого Сакса. Одну из немногих вещей с историей в этом царстве современного хай-тека. Чувствительные сенсоры в стенах уловили движения хозяина, приглушив звуки музыки до едва слышных, дабы ничто не мешало разговору.

— И что же? — коротко бросил он роботу-андроиду, обложенному в сшитый на заказ костюм, что уже само по себе было необычно. Впрочем, тот, кто выбрал себе аватаром именно этого робота, мог позволить подобные излишества.

— Недавно обнаружили в анализах одной девушки в муниципальной больнице, взгляните. — Андроид протянул тонкую папку, внутри которой лежал всего один лист — без имен и фамилий, только медицинский анализ и диагноз.

Герберт прошелся беглым взглядом по нескольким строчкам и равнодушно вернул папку обратно.

— Занятно, но полностью бесполезно. Она инвалид, — сухо ответил он. Его лицо оставалось абсолютно безэмоциональным, хотя кое-что все же проступило наружу — раздражение тем, что он был вынужден приглушить музыку, единственное, что вызывало у него отклик.

А вот маска-лицо робота отличалась повышенной эмоциональностью мимики. Андроид предвкушающе улыбнулся,

копируя выражение своего хозяина, сидящего где-то далеко, за много миль отсюда:

— Зато у нее есть сестра, вполне здоровая и физиологически зрелая. Вы же понимаете открывающиеся для вас перспективы?

— Допустим. Продолжайте, — и снова никаких эмоций.

Будь в кабинете кто-то третий, он бы усомнился, кто из этих двоих робот.

— Десять миллионов кредитов, — робот изобразил пусть механический, но вполне человекоподобный смешок, — и вы будете знать о ней все. Впрочем, вам будет достаточно только имени. Дальше справитесь сами...

ГЛАВА 1

Жизнь летит под откос тогда, когда мы сами ее туда отпускаем.

Именно эту фразу я повторяла день за днем, убеждая себя, что до дна этой самой пропасти мне еще далеко, и даже если сейчас я где-то на середине, то однажды обязательно выкарабкаюсь.

— Виола, — прилетело в спину, — через две минуты твой выход.

Я оглянулась и встретила с недовольным взглядом администратора клуба, стоящего в дверях гримерки. Он всегда подгонял меня на сцену, а я, пересиливая себя, шла за ним.

Последний взгляд в зеркало. Оттуда на меня смотрела раскрашенная, расфуфыренная девица в нижнем белье. Она натянула на лицо улыбку, а мне стало противно видеть ее такой радостной. Потому что в душе я по-прежнему воспринимала каждый свой танец как унижение.

Вот только я в этом клубе работала добровольно, никто силком к шесту не тасил. Не хочешь работать — вали на все четыре стороны! Но тогда мне не на что будет жить и оплачивать счета ни за себя, ни за сестру. А я должна.

— Господа, а сейчас специально для вас, — нагнетал обстановку ведущий, — уникальный танец! Девушка-скрипка, чьи изгибы не оставят ни один смычок равнодушным! Виола-а-а!!!

Он хохмил, а мне было гадостливо, только я все равно вышла к шесту и начала танцевать. Извивалась, кружилась, покачивая бедрами, демонстрируя свое тело со всех ракурсов. Особенно спину, где длинные шрамы были зататуированы под струны и эфы смычкового инструмента.

Я была единственной танцовщицей в клубе, кто никогда не снимал низ, и единственной, кто танцевал под классическую музыку.

Когда я пришла в этот клуб, PR-директор долго осматривал мои шрамы, кривил губы, говоря, что подобное уродство нельзя выпускать на сцену, но идея со струнами скрипки ему все же понравилась, и он придумал, как превратить изъян в денежное предприятие.

Но сегодня был один из тех дней, когда публика смотрела на любые выступления хмуро, заводилась вяло, а мой танец под “Escala Palladio” особой бури эмоций не вызывал, разве что еще большее недовольство у двух пьяных в хлам мужчин. Один из них скользил по мне масляным взглядом, второй противно улыбался, а под конец еще и выкрикнул:

— Детка, плачу сотню кредитов, если снимешь трусики и дашь поиграться со своими струнами!

Меня передернуло от омерзения, но номер дотанцевала, а после долго сидела в гримерке, боролась с желанием смыть с себя макияж, потому что вечер еще не закончен, и наверняка один из этих сволочей потребует приватный танец.

С клиентами я, разумеется, не спала. Никогда. Хотя некоторые девчонки иногда подрабатывали, но это не отменяло того факта, что по первому зову посетителя я должна была выйти и танцевать вновь и вновь, пока тому не наскучит.

И даже двойная оплата меня не прельщала, она, скорее, добивала осознанием, что каждый раз, принимая от них кредиты, я приближалась еще на несколько сантиметров к самому дну.

Время шло, и, в отличие от остальных девчонок в гримерке, меня на танцы больше не приглашали. Они то и дело сновали туда-сюда, пока я сидела на стуле.

Можно было бы пойти поработать в зал, повертеть задницей перед носом у клиентов, дать себя полапать, но я не смогла заставить себя это сделать.

Так и досидела до закрытия клуба. Стоило электронным часам высветить пять утра, как я рванула в сторону душевых — смывать блески и переодеваться. В спину донесся издевательский шепот девчонок:

— Опять гимнасточка в пролете. Скоро пнут эту первую скрипку.

Наверное, они были правы. Если я не приношу заведения денег, то заведение не станет меня держать. А моей дневной работы, кассирши в ресторане быстрого питания, едва хватает на поддержание только одной жизни. Либо моей, либо сестры...

Стащив с себя блестящее белье, я шагнула под струи душа, где долго стояла, намыливая себя и оттирая косметику мочалкой. В какой-то момент с особой ненавистью коснулась еще одного шрама на теле. Под грудью, над самым сердцем.

На лице возникла злая ухмылка. Я ненавидела ту штуку, которая таилась под моими ребрами, качала кровь и не давала мне сдохнуть. У меня не было сердца, зато был имплант. Не знающий сбоев, перерывов и работающий с точностью атомных часов.

Он сохранил мне жизнь, он же ее и сломал.

